

К точке зрения В. В. Каллаша, хотя, как мы видели, она основана на неправильных данных, примкнул отчасти и акад. П. Н. Сакулин. Мы говорим «отчасти», так как покойный ученый не исключал и светско-повествовательного происхождения драмы о царе Максимилиане. «В основе фабулы, — писал П. Н. Сакулин, — лежит письменный источник: какое-нибудь апокрифическое житие (напр., Никиты, Димитрия, Кирика и Улиты) или какая-нибудь авантюрная повесть западно-рыцарского стиля».³⁸

Поскольку версию об авантюрной повести мы уже рассмотрели и отвергли, продолжим анализ версии житийной. Очевидно, указывая имя Никиты, П. Н. Сакулин имел в виду точку зрения Каллаша. Выше мы показали неубедительность гипотезы последнего. Нет также абсолютно никаких оснований принимать в расчет гипотезу о происхождении драмы о царе Максимилиане из жития Кирика и Улиты: это житие, в том виде, как оно приводится в Четвях Минеех, не имеет ни малейшего, даже сколько-нибудь отдаленного сходства с сюжетом «Царя Максимилиана».³⁹

Гораздо больший интерес представляет гипотеза П. Н. Сакулина относительно связи сюжета пьесы о царе Максимилиане с житием мученика Димитрия. К сожалению, П. Н. Сакулин не указал, принадлежит ли ему это предположение или оно откуда-то заимствовано.

Между тем гипотеза о житии Димитрия тем более заманчива, что сохранилась школьная драма, написанная на этот сюжет, эта драма, по нашему мнению, и является вероятным источником народной комедии о царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе.

IV

Однако прежде чем мы обратимся к рассмотрению этой школьной драмы, необходимо остановиться еще на одной гипотезе, выдвинутой двадцать пять лет тому назад Р. Якобсоном.

В 1938 г. в № 4 пражского журнала «Slovo a slovesnost» Р. Якобсон поместил статью о значении русской филологии при изучении чешской культуры. Здесь он, между прочим, высказал предположение, что источником «Царя Максимилиана» является пьеса чешского народного театра, так называемая «Игра о св. Доротея» («Dorotka»). Согласно чешским народным духовным песням, Доротея претерпела мучение при Максимилиане. По мнению Якобсона, в Великодержии имя Доротеи было заменено сыном царя Адольфом, или Адолькой, так как таким образом в народную пьесу вошел намет на смерть царевича Алексея.⁴⁰

В этой гипотезе, судя по изложению Д. Чижевского, нет даже тех больших совпадений, которые имеются в тексте апокрифического жития Никиты и «Царем Максимилианом». Д. Чижевский, передавая точку зрения Р. Якобсона, не касается содержания «Доротки», потому, очевидно, что считает, будто сюжеты русской и чешской пьес совпадают. Однако в известных нам русских изложениях «Доротки» усмотреть совпадение

школьная драма начала XVIII века — инсценировка повести о казни царем-язычником непокорного сына-христианина» (Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1, стр. 388).

³⁸ П. Н. Сакулин. Русская литература... часть вторая, стр. 160.

³⁹ Н. П. Сакулин отметил, что на возможную связь сюжета «Максимилиана» с житием Кирика и Улиты устно указал ему Н. К. Писанов. Однако в беседе со мной несколько лет назад Н. К. Писанов ничего не мог вспомнить по этому поводу.

⁴⁰ Номер 4 «Slovo a slovesnost» за 1938 г. отсутствует в крупнейших ленинградских и московских библиотеках. Я пользовался изложением взгляда Р. Якобсона в статье Д. Чижевского «Car Maksimilian» в «Zeitschrift für slavische Philologie» (1942, Bd. XVIII, H. 1, стр. 40—42) в серии заметок Чижевского «Literarische Lesefrüchte» (IX, 72).